

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74

Кто ты? (Родительские стратегии имянаречения детей-билингвов)**Александр Васильевич Зеленин***Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия,
e-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi***Наталья Леонидовна Иванова***Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия,
e-mail: natali.martynovaa@gmail.com*

В статье рассматриваются социокультурные аспекты выбора родителями личного имени ребенка в иноязычном и инокультурном окружении. С целью выяснения мотивировок при выборе имени ребенка родителями в 2017–2019 гг. был проведен пилотный социолингвистический эксперимент в моно- и полилингвальных семьях в Финляндии. Методами исследования являлись: метод социолингвистического электронного анкетирования, сопряженный в необходимых случаях с фокусированным интервью, метод верификации полученных социолингвистических данных, метод case study. Общее количество проанализированных детских имен – 57. Ведущими в ситуации имянаречения как в моно-, так и в полилингвальных семьях являются историко-культурные, языковые (фонологическо-фонетические, ассоциативно-смысловые) и религиозно-мистические мотивировки имянаречения.

Ключевые слова: *двуязычие; личное имя ребенка; имянаречение; поликультурность; самоидентификация; гибридная культура*

Ссылка для цитирования: Зеленин А. В., Иванова Н. Л. Кто ты? (Родительские стратегии имянаречения детей-билингвов) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74.

Who Are You? (Parent's Naming Strategies for Their Bilingual Children)**Aleksandr V. Zelenin***University Tampere, Tampere, Finland,
e-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi***Natalia L. Ivanova***University Tampere, Tampere, Finland,
e-mail: natali.martynovaa@gmail.com*

The article discusses the sociocultural aspects of the parents choosing a personal name for their child in foreign cultural environment. In order to find out the motivation for choosing a name by parents in 2017–2019, a pilot sociolinguistic experiment was conducted in mono- or multilingual families in Finland. The research methods were chosen: the method of sociolinguistic questionnaire, focused interviews, the method of verification, the case study method. The total number of children's names which were analyzed is 57. Main types of motivation in naming in mono- and polylingual families are historical/cultural, linguistic (phonological/phonetic, associative/semantic) and religious/mystical reasons.

Keywords: *bilingualism; child personal name; naming; multiculturalism; self-identification; hybrid culture*

A reference for citation: Zelenin A. V., Ivanova N. L. Who are you? (Parent's naming strategies for their bilingual children). In *Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]*. 2020, vol. 81, No. 5, pp. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74.

Давая имя ребенку, родители задают ему определенную идентификацию, которая в течение жизни получает свое дальнейшее развитие: личное имя обрастает новыми формами, наполняется новым содержанием и ассоциациями в процессе социализации индивида.

Настоящая статья базируется на пилотном социолингвистическом исследовании (2017–2019 гг.), в процессе которого был получен анкетный материал, собранный в би- или полилингвальных семьях. Цель проведенного анкетирования – сбор эмпирических данных о функционировании

детского личного имени в финском социуме: каковы были языковые (и иные) мотивы родителей в процессе имянаречения; оказывала ли влияние национальность родителей и желание сохранить в имени ребенка частичку родительской культуры или родного языка родителей (родителя); каковы представления родителей об отношении финского социума к имени их ребенка (детей).

Общее количество собранных анкет – 40: из монолингвальных семей получено 13 анкет (содержится 24 детских имени и дана мотивация родителей по их выбору); из полилингвальных семей получено 8 анкет (10 детских имен). Кроме электронного анкетирования (на сайте *webanketa.com*), в некоторых случаях нужно было провести личное интервьюирование родителей: одни анкеты были более содержательны и могли послужить источником глубоких и обширных эмпирических данных, другие, напротив, были недостаточны, но содержали интересные с научно-исследовательской точки зрения аспекты (было проведено 4 интервью). В проведенном эксперименте использовался социолингвистический метод опроса, представленный в двух разновидностях: анкетирование (индивидуальное и групповое) и интервьюирование (полустандартизированное, смешанное с анкетированием) [Schuman 2001; Milroy, Gordon 2008; Lindlof, Taylor 2010; Mallinson & al. 2017].

Общее количество проанализированных детских имен – 57 (в некоторых анкетах родители указывали двух и более детей, максимум – пять), из общего числа собранного материала: имен мальчиков – 33, девочек – 24; 29 детей дошкольники, 28 – школьники (дети, родившиеся в 2000–2010 гг.).

При выборе имени ребенка для родителей весьма существенны сублингвистические факторы, фонетическая и слоговая структура имени, а также знание родителями общих и сленговых значений имен или их языковых вариаций. Эти факторы в монолингвальных семьях родителями (почти) не учитываются, напротив – в би- или полилингвальных семьях на это обращается больше внимания. Например, имя *Анастасия*, имеющее в русском языке также сокращенный разговорный вариант *Настя*, может в финском языке (с учетом

отсутствия мягких согласных) аналогизироваться (фонетически сближаться) с апеллятивом *nasta* ‘кнопка’; если родители не знают этого или не принимают данного обстоятельства во внимание, то в дальнейшем ребенок, возможно, будет испытывать социопсихологический дискомфорт от сокращенной формы имени и будет стремиться искать варианты его замещения или изменения.

От имени *Анна* русский диминутив *Анька* может в финском языке сближаться с существительным *ankka* ‘утка’; сокращенный вариант имени *Виктория* – *Вика* в финском языке имеет омофон *vika* ‘вина, ошибка, недостаток’ и т. п. При общении на русском языке эта отрицательная фоновая оценочность (пейоративность) отсутствует, но в финском окружении выбранное родителями имя ребенка (в полном или сокращенном варианте) бывает не всегда приемлемо, и в процессе социализации с этим приходится справляться в первую очередь самим детям [Ainiala 2017]. На плечах родителей лежит ответственность за выбор имени ребенка, которому предстоит жить (по крайней мере в детском, подростковом, юношеском возрасте) в финском социуме. Именно родители должны ясно и четко представлять и (по возможности) сопоставлять русскую и финскую антропонимическую системы. Таким образом, в процессе выбора имени ребенка родителям вольно или невольно приходится выступать в роли «стихийных лингвистов», проводящих сопоставление двух антропонимических систем и осуществляющих антропонимическое прогнозирование с целью снижения социопсихологических и социотравматических рисков в использовании имени ребенком/детьми в финском социуме.

Русская антропонимическая система. Трехчленное именование людей (имя, отчество, фамилия) – особенность русского языка. Данная трехчленная формула именованья стала использоваться в официальном и светском обиходе в России во времена правления Петра Первого. И. П. Лысакова выделяет в русском языке пять форм личного имени: официальная (в основном в обращении к взрослому), сокращенная (*Павел* > *Павлик*, *Пашиа*), уменьшительно-ласкательная (*Валенька*, *Катенька*, *Петенька*),

пренебрежительно-фамильярная (*Сашка, Ванька, Петька, Анька*) и звательная (*Света, Таня, Мауша; Свет, Тань, Маи*, последние относятся к так называемой новой звательной форме) [Лысакова 2007: 146].

Финская антропонимическая система. Согласно закону «О личном имени» (Etunimilaki), принятому 20 декабря 1945 г., у каждого гражданина Финляндии должны быть фамилия и имя. Количество имен одно или несколько, но не больше четырех: *Pihla Maria* (первое и второе имя) *Kaukonen* (фамилия), *Okko Viljam Olavi* (первые три имени) *Turunen* (фамилия). Как правило, вторым или последним именем становится самое длинное или наиболее фонетически тяжелое имя: *Olli Aleksanteri, Maija Melissa Orvokki*. **Звательное имя** (kutsumanimi, puhuttelunimi) – это имя, которое используется в качестве обращения. Чаще всего в роли такого в финской культуре выступает первое имя. Однако носитель имени для этой цели может сам выбрать одно из данных ему при крещении имен. Некоторые носители двух имен могут использовать в качестве звательного сразу два имени: *Miia Inari*. Возможна ситуация, когда разные люди используют разные звательные имена, например, девушку по имени *Silja Onneli* одни будут называть *Silja*, другие – *Onneli*.

Большинство русских (или иных) имен трудны для произношения в финской фонетической и акцентологической системе. Так, может возникать расхождение в формах имен, близких по написанию, что обусловлено следующими причинами: 1) разным типом ударения в русском (подвижное) и финском (фиксированное на первом слоге) языках (фин. *Miron* – рус. *Мирон*, фин. *Milana* – рус. *Милана*); 2) наличием долгой гласной в имени, что представляет фонетическую трудность для русскоговорящих (*Jana* – *Jaana*, *Lena* – *Leena*); 3) наличием двойной согласной в имени (*Mila* – *Milla*, *Jana* – *Janna*); 4) существованием двух аналогичных форм (*Aleksandr* – *Aleksanteri*, *Artur* – *Artturi*; обе формы независимы друг от друга, автономны); 5) финалью на *-ия* в русском имени, которое в финском произносится как *-ua* (рус. *Мария* – фин. *Maria*, рус. *Ксения* – фин. *Ksenia*); 6) наличием краткой формы имени (*Tatjana* – *Tanja*, *Jekaterina* – *Katja*);

в русском языке вторая форма – сокращенный вариант нормативного имени, в финском языке обе формы кодифицированы как самостоятельные. В финском языке сокращенная форма имени чаще всего совпадает с полным первым именем.

В финском языке уменьшительно-ласкательные имена используют, как правило, родственники и друзья [Морозова 2005]. Приведем пример образования такой формы имени: в обеих культурах есть близкие по звучанию формы полного имени *Яна* и *Jaana*, и если русский родитель назовет Яну диминутивами *Яночка, Янушка, Янчик* (по материалам полученных анкет), то финн – *Jaansku, Jaanski, Jaanssu, Jaanska*. В финском языке форма имен с суффиксом *-ski/-sku-* является функционально близкой к русской диминутивной форме и может быть отнесена к уменьшительно-ласкательной: *Unto* – *Untski*. Тем не менее сами дети-билингвы отмечают большую мягкость, теплоту, интимность, сердечность именно в русских уменьшительно-ласкательных суффиксах, чем в финских.

При имянаречении ребенка важную роль играет фактор родительской самоидентификации, напрямую влияющей на выбор имени ребенка из русского или финского антропонимикона или базирующейся на симбиозе того и другого (например, в одной семье мальчику было дано «синкретичное» имя *Michael Vladislav*, где первое финское имя *Michael* взято даже не в финской, а в шведской огласовке, имя *Vladislav* явно мотивировано желанием родителей (или просьбой родственников) передать ребенку частичку российской культуры). Поэтому авторам в процессе анкетирования на основе собранного эмпирического материала важным было построить теоретическую модель родительской самоидентификации, отражающейся в выборе имени ребенка.

Поликультурность – это одна из базовых характеристик современного социума. Поликультурность создает особые условия, в которых разворачивается формирование каждой отдельной личности и национально-культурных групп, проживающих в многообразном мире [Грива 2016: 99]. По данным общества Suomen Venäjänkieliset – FARO, русские в Финляндии занимают третье место среди всех этнических общин

в стране. Согласно данным Статистического центра за 2016 г., в Финляндии проживало более 75 тыс. русскоговорящих. Практически половина русскоязычного населения живет в столичном регионе [Твалтвадзе, Электронный ресурс].

Родительская самоидентификация в иноязычном (инокультурном) социуме осуществляется в смешении прежней и новой культур и в поиске своего места в этом конгломерате. Понятие «прежняя культура» подразумевает этническую культуру, которую родители впитали во время жизни, например, в России до момента миграции в Финляндию. Понятие «новая культура» включает в себя финскую культуру, которую приобретают родители, переехавшие в Финляндию.

В результате смешения этих двух культур появляется смешанная, гибридная культура, которая представляет собой некий симбиоз, смоделированный в сознании, в поведении родителями из фрагментов прежней культуры с включением новых элементов (поведенческих, социальных стереотипов, морально-этических ценностей финской культуры). Фрагменты своей, родительской, гибридной культуры с помощью имянаречения детей родители на антропонимическом уровне и пытаются передать, транслировать детям, и даже (в первую очередь) внушить себе. Данную модель схематично можно изобразить следующим образом:

Рассмотрим, как ориентация родителей на «гибридность» проявляется в процессах имянаречения детей.

Монолингвальные семьи. В монолингвальных семьях русские родители, которые зарегистрировали своего ребенка, рожденного в Финляндии, предпочитают имянаречать не одним, как в русской антропонимической системе, а уже двумя-тремя

именами. Анкеты выявили следующие мотивы такого имянаречения, характерные для финского антропонимикона:

а) компенсаторные функции: стремление вписать финскую модель в русскую антропонимическую формулу. Три компонента в имени ребенка мотивируются родителями так: *Мы хотели, чтобы у ребенка было три компонента в имени как ФИО [фамилия, имя, отчество], но так как отчества нет, мы дали второе имя.* В этом случае очевидна ориентация родителей на русский антропонимический прототип, причем такая мотивировка останется только в семейной истории. Сохранится ли этот родительский нарратив и будет ли транслироваться и воспроизводиться ребенком в будущем, в его взрослой жизни или в последующем имянаречении уже своих детей, достаточно маловероятно;

б) функция аккультурации: стремление сблизиться с финским обществом и уменьшить социопсихологические риски в коммуникации ребенка: *У всех по два / три имени (поэтому и мы дали два имени. — А. З., Н. И.); Первое имя выбрали финское, второе — международное (в анкете указано имя ребенка *Imari Aleksander*);*

в) необычное имя для финского социума (ориентация родителей на материнскую культуру); примеры русских имен приведены в материалах всей статьи.

В ответах родителей явно просвечивают черты гибридной культуры родителей применительно к антропонимической системе имянаречения детей.

В монолингвальных семьях родители и их родные и близкие используют общие ласкательные имена. Обычно это те формы ласкательных имен, которые применяют сами родители. Так, ласкательные формы личного имени *Мирон* используют все члены семьи и близкие: *Мироша, Мирончик, Миро* (последнее — финский вариант звательного имени), а *Милу* родители и близкие родственники зовут *Мили* (финский вариант звательного имени), *Милушка, Милка, Милочка, Милашка, Миланя, Милёнок* (эти варианты — свидетельство прикреплённости имени к русскому антропонимикону). Общие для всей семьи ласкательные имена — *Миланя, Милаша*.

Как правило, в монолингвальных семьях, в которых один родитель русскоговорящий,

но относится к другой национальности, хотя семейным языком является русский язык, дети имеют более широкое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм личного имени. Например, в одной грузинско-карельской семье (общий язык – русский) ребенок с именем *Maia* приобретает следующие ласкательные имена от папы (грузин): *Maku, Makuni, Maiko, Makutsebi* – и от мамы (карелка): *Маюсук, Макусук* (вероятно, гибридная форма от груз. *Maku* + рус. суффикс *-ук-*). Использование звательной формы облегчает и то, что грузинские и финские уменьшительно-ласкательные формы личного имени в данном случае фонетически близки: *Maku* (груз.) – *Maiku* (фин.), *Makuni* (груз.) – *Maikuni, Maikuli* (фин.). Таким образом, в сознании и идентификационной матрице и родителей, и ребенка формируется достаточно обширная антропонимическая парадигма, с одной стороны, приближенная к финской модели, с другой – содержащая внушительный набор уменьшительно-ласкательных имен, функционально близких или даже равноценных в трех антропонимических системах (русской, финской, грузинской), хотя и в некоторой степени отличающихся своим фонетическим составом¹. Такая богатая палитра вариаций имени, используемых родителями, родственниками, близкими с детства

ребенка, оказывает глубокое влияние на его языковую, коммуникативную, социолингвистическую, лингвокультурную компетенции и оставляет неизгладимый след в душе ребенка на протяжении всей его жизни. У детей-билингвов практически с раннего детства формируется более тонкий, чуткий, чем у монолингвов, прагматический «слух» на языковую категорию диминутивности в целом.

Рассмотрим интересный случай выбора имени, когда родители более понравившееся и часто употребляемое имя регистрируют в официальных документах в качестве не первого, а второго имени. Так, ребенка с мужским именем *Aleksanteri Sebastian* мама и папа дома зовут *Себушка, Себастьянчик, Себусик, Себка*. Родственники и близкие, проживающие в России, – *Шурка, Сашенька* (следовательно, в России используется первое имя, так как скорей всего именно первое, а не второе имя расценивается близкими как основное, номинативное, второе же как факультативное, вторичное: *Aleksanteri* (фин.) – русский эквивалент *Александр*). Тем не менее для всей семьи ласкательное имя – *Себусик* – представляет сокращенную и уменьшительно-ласкательную гибридную форму от второго финского имени. В таком разнообразии вариантов имени ребенка прослеживается стремление родителей сохранить и поддерживать русскую антропонимическую модель, но в разных антропонимических системах (русской и финской) близкое или дальнее семейное окружение выбирает наиболее привычную и приемлемую модель обращения.

Полилингвальные семьи. Типы имен детей в би- или полилингвальных семьях и мотивация выбора имени ребенка довольно значительно отличаются от данных, полученных от родителей в монолингвальных семьях. В билингвальных семьях один родитель – русский (русскоговорящий), второй родитель – финн: это семьи, в которых общий язык может быть финским (по преимуществу) или любым другим (английский, русский, немецкий). В отличие от монолингвальных семей, в полилингвальных семьях отмечено преобладание двух или трех имен детей более чем в два раза, что свидетельствует о гораздо более тесной связи, стремлении аккультурации одного из родителей в финский социум и желании

¹ При анкетировании мы отметили любопытный психологический феномен: дети-информанты с радостью перечисляют все ласкательные формы, что показывает их удовольствие от разнообразия вариантов имени. Показателем такого положительного эмоционально окрашенного отношения и к самому вопросу анкеты, и к желанию отвечать на него являются дополнительные характеризующие визуальные элементы оценки информации – идеограммы (смайлики) (см.: *Зеленин А. В., Иванова Н. Л. Кто я? (Личное имя как инструмент самоидентификации русскоязычных детей-билингвов) // Русский язык в школе (в печати)*). Совершенно очевидно, что дети-билингвы с детства привыкают жить в более разветвленной и разнообразной системе антропонимической карты своего имени, чем их сверстники-монолингвы. Этот факт личностно-психологической самоидентификации всегда отмечается билингвами уже во взрослом возрасте (сошлемся на русскоязычных студентов университета Тампере; аргументация и примеры остаются за пределами настоящей статьи).

видеть в ребенке (при помощи финской антропонимической формулы) члена финского общества, ничем не выделяющегося среди своих сверстников.

Характерно, что особой популярностью в качестве первого или второго имени используется имя *Александр* в разных фонетико-структурных вариантах: *Aleksander* (*Alexander*) и *Aleksanteri* (*Aleksanteri*). Форма имени *Aleksanteri* (*Aleksanteri*) распространена в финской культуре, однако в нашем случае форма *Alexander* является транслитерацией русского имени *Александр*.

Выбирая имя ребенку, родители в би- и полилингвальных семьях так мотивировали в анкетах причины имянаречения:

1. Историко-культурная мотивировка. Ответы в анкетах русскоязычных мам показывают внимание к этимологии, национально-культурной традиции, универсальности имени:

В честь римского императора св. Константина, сына св. Елены. Руководствовалась также тем, чтобы имя благозвучно звучало в обеих культурах;

Я осознала, что сын будет рожден рядом с Днем победы, и это укрепило нас в выборе (*Viktor*, из лат. 'победитель').

2. Лингвокультурная мотивировка (фонологическая-фонетическая, ассоциативно-смысловая):

Первоначальным критерием было привычное звучание на трех языках – русском, финском и английском;

Выбрали русско-финское имя, чтобы одним и другим родственникам говорилось легко;

Имя знакомое для России и Финляндии;

Мне было важно, чтобы имена были международными. Я изначально не давала детям исконно русских имен, чтоб не было вопросов с произношением и написанием. Элизабет хотели назвать в честь бабушки Лизы, но Елизавета чисто русское имя, которое вызывало бы трудности, поэтому нашли международный аналог Элизабет;

Приглянулось данное имя, особенно то, как оно сочетается с фамилией (аллитерация звуков в имени и фамилии).

3. Религиозно-мистическая мотивировка:

Вторые имена я давала в соответствии с крещением, например Изабелла, крещенная в православии Анастасией (ориентация на православный церковный календарь);

Мне хотелось, чтобы второе имя было как бы талисманом для дочери и что-то ей добавляло в жизни, было ее секретным оружием. И мне показалось, что имя Лейла – добавит загадки, роскоши, тайны (сакральная функция второго имени, основанная на индивидуально-личностном восприятии имени Лейла русскоязычной мамой. – А. З., Н. И.).

Русскоязычные мамы охотно делились в предложенных им анкетах аргументацией мотивов при имянаречении ребенка; эти мотивы отчасти схожи с традициями именования, выбора имени в русской антропонимической системе, отчасти ориентировались в большей степени, чем это принято в России, на универсальность, удобопонятность и удобопроизносимость имени в более широком географическом и культурном пространстве. Выбирая универсальное имя, родители в какой-то степени проектировали будущую жизнь ребенка, которому открыт путь в другие страны и культуры: тем самым антропонимический фактор оказывался в сознании родителей тесно связанным с возможностями социальной мобильности.

Среди опрошенных в билингвальных семьях, в которых мать – русская или русскоговорящая, а отец – финн, детские имена со стороны мамы имеют (как и ожидалось) большое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм, например, имя *Нелли* имеет шесть форм: *Нелёнок*, *Нелечка*, *Нелюшка*, *Нелёныш*, *Нелленька*, *Нелёк*. Со стороны папы-финна ситуация выглядит иначе: папа зовет дочку именем *Nelli* – в этой форме и полное, и звательное (*kutsumanimi*) имя в финском языке совпадают (*Nelli*), ласкательной формы данного имени в финском языке нет, и папа не особенно утруждается придумыванием какого-либо аналога ласкательной формы имени дочери.

Рассмотрим еще один именной случай в той же семье: имя *Виктор* со стороны мамы имеет пять уменьшительно-ласкательных форм: *Витёк*, *Витёныш*, *Витюшка*, *Витёнок*, *Викторушка*; со стороны папы (финн) – лишь одну форму уменьшительно-ласкательного имени: *Viksu*. Также по национальному признаку вариации форм имени повторяются у родственников и других членов семьи (микросоциум): у русских родственников – *Викторушка*, *Витюшка*, у финских – *Viksu*. Но общим для всей семьи ласкательным именем является

все-таки финский вариант как более простой (и для русскоговорящих, и для финнов) в произношении – *Viksu*.

Из данных эмпирического материала следует, что в билингвальных семьях финский родитель может перенимать русский уменьшительно-ласкательный суффикс и добавлять его к имени; в частности, в анкетах родителями были упомянуты такие варианты: добавление к имени русского суффикса *-ушк-* (*Viivi – Viivuşka, Veera – Veeruşka*). Лингвистическое объяснение подобных случаев заключается в сочетании двух языковых факторов: во-первых, существованием в сознании «наивных» носителей финского языка ассоциативно-этнокультурной связи таких апеллятивов, как *babuška, maatuška, matrjoška* (бабушка, матушка, матрешка), с русским языком и выражаемым ими прагматическим смыслом ласкательности, заботливой семейности, во-вторых, с функциональным приравниванием русского уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк-* к финской ласкательной именной форме на *-ski/-sku*. Так, имя *Fjella* в речи финноговорящего папы имеет уменьшительно-ласкательную форму *Fjelluşka* (Фьеллушка).

Кроме того, анкетирование показало предпочтение финноязычных родителей обращаться к ребенку по общим безличным этикетным моделям: *kulta* ‘дорогой/дорогая’ (букв.: золотой; в финском языке нет категории рода), *rakas* ‘любимый/любимая’; в этих финских обращениях нет градации по возрастным и гендерным категориям: так обращаются в семье к детям, взрослые друг к другу в семейной коммуникации. Единичными случаями в нашем материале в анкетах русскоговорящих родителей являются индивидуальные уменьшительно-ласкательные обращения: *Пупсик* и *Шмупсик*. Однако доминирующей тенденцией в русской системе обращений является обращение по имени (в его вариациях), и русские (русскоязычные) родители следуют этой модели.

Выводы. Полученные в анкете ответы родителей обнаружили тесную связь между выбираемым именем ребенка (детей) и социокультурной (само)идентификацией родителей. Разумеется, идентификационные и лингвокультурные модели родителей и детей могут в чем-то совпадать, но в чем-то и различаться.

Родители понимают, что в поликультурном обществе русское (или иное, не финское) имя ребенка подвергается переинтерпретации и возможным фонетическим, акцентологическим трансформациям, искажениям, способным вызвать стресс и дистресс ребенка. Выбор имени ребенка родителями в инокультурном (для обоих или одного из родителей) окружении связан с целым комплексом вопросов, которые родители до рождения ребенка тщательно обдумывают. Как показало анкетирование, ведущими мотивациями для родителей в ситуации имянаречения как в моно-, так и в полилингвальных семьях являются историко-культурные, языковые (фонологическо-фонетические, ассоциативно-смысловые) и религиозно-мистические (выполняющие охранно-табуистические функции) мотивировки имянаречения.

Вместе с тем очевидно различия подходов родителей в моно- и полилингвальных семьях в имянаречении детей: в монолингвальных семьях линия русской (русскоязычной) матери ребенка более мощная, сильная, определяющая, имеет большую значимость, ценность, чем в полилингвальных. Основной и объяснением этого служит социально-поведенческая рамка, которая была описана как *гибридная культура*: в моно- и полилингвальных семьях в сознании родителей гибридная культура в меньшей степени ориентирована на финскую культуру, а в большей – на русскую культуру (антропонимическую систему) или на фонетическую интернациональность имени ребенка. В полилингвальных семьях гибридная родительская культура формируется с преобладанием финской культуры, антропонимические модели выбираются с ориентацией на финский антропонимикон (два или три имени).

Использование в языке родителей целой палитры уменьшительно-ласкательных производных личного имени заметно расширяет и интенсифицирует процессы формирования языковой и прагматической компетенции ребенка-билингва, в отличие от сверстника-монолингва.

ЛИТЕРАТУРА

Грива О. А. Межкультурные коммуникации как ресурс культурной идентичности личности в условиях поликультурности // Национальные культуры в межкультурной

коммуникации. — Вып. 2. — Ч. 1: Социально-исторические аспекты межкультурного взаимодействия. — Минск, 2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165259/1/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

Морозова Ю. Г. Обращения к родственникам в России и Финляндии // Коммуникативное поведение. — Вып. 23: Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж, 2005.

Розова О. Г., Лысакова И. П. и др. Практическая стилистика русского языка для учащихся с неродным русским языком: учеб. пособие для продвинутого этапа (I–II сертификационные уровни). — М., 2007.

Твалтвадзе Л. Темпы роста русскоговорящего населения Финляндии не снижаются [Электронный ресурс]. — URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/tempy_rosta_russkogovoryashchego_naseleniya_finlyandii_ne_snizhayutsya/9973687 (дата обращения: 18.02.2020).

Ainiala T. On a New Project in the Study of Anthroponymic Systems in Finnic Languages // Voprosy onomastiki. — Ekaterinburg, 2017. — Vol. 14. — Issue 3. — P. 97–104.

Lindlof T. R., Taylor B. C. Qualitative Communication Research Methods. — Sage Publications, 2010.

Mallinson Ch., Childs B., Van Herk G. Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications. — 2nd ed. — London, 2017.

Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: Method and Interpretation. — Oxford, 2008.

Schuman H. Attitude surveys: Question-answer processes // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics / R. Mesthrie (ed.). — Oxford, 2001. — P. 761–765.

REFERENCES

Griva O. A. Intercultural Communications as a Resource of the Cultural Identity of the Individual in the Conditions of Polyculture. In *Natsional'nye*

kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii [National cultures in the intercultural community: a collection of scientific sciences] (in 2 frequent). Part 1. Minsk, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165259/1/%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0.pdf> (accessed: 20.02.2020). (In Rus.)

Morozova Ju. G. Addressing to relatives in Russia and Finland In *Kommunikativnoe povedenie [Communicative Behavior]*. Voronezh, 2005, vol. 23: The Finnish and Russian Communicative Behavior. (In Rus.)

Rozova O. G., Lysakova I. P. and al. Practical stylistics of the Russian language / For students with a non-native Russian language: Textbook. pos. for advanced stage (I–II certification levels). Moscow, 2007. (In Rus.)

Tvaltvadze L. The growth of Russian-speaking residents in Finland is not reduced [Electronic resource]. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/tempy_rosta_russkogovoryashchego_naseleniya_finlyandii_ne_snizhayutsya/9973687 (accessed: 18.02.2020).

Ainiala T. On a New Project in the Study of Anthroponymic Systems in Finnic Languages. In *Voprosy onomastiki [Onomastics Issues]*. Ekaterinburg, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 97–104. (In Rus.)

Lindlof T. R., Taylor B. C. Qualitative Communication Research Methods. Sage Publications, 2010. (In Engl.)

Mallinson Ch., Childs B., Van Herk G. Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications. 2nd ed. London, 2017. (In Engl.)

Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: Method and Interpretation. Oxford, 2008. (In Engl.)

Schuman H. Attitude surveys: Question-answer processes. In *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. R. Mesthrie (ed.). Oxford, 2001, pp. 761–765. (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, лектор, факультет информационных технологий и коммуникационных наук, Университет Тампере; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Наталья Леонидовна Иванова, магистр, факультет информационных технологий и коммуникационных наук, Университет Тампере; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), lector of Faculty of Information Technology and Communication Sciences, Tampereen yliopisto; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Natalia L. Ivanova, Master's degree, Faculty of Information Technology and Communication Sciences, Tampereen yliopisto; Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland